

ПЕРВОЕ ВОДВОРЕНІЕ

ВЪ МОСКВѢ

ГРЕКОЛАТИНСКОЙ И ОБЩЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКИ.

РѢЧЬ,

читанная въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 19 апрѣля 1886 года, въ память двухсотлѣтней годовщины рожденія перваго русскаго историка В. Н. Татищева,

предсѣдателемъ общества

И. Е. Забѣлинымъ.

МОСКВА.

1887

ПЕРВОЕ ВОДВОРЕНІЕ

ВЪ МОСКВѢ

ГРЕКОЛАТИНСКОЙ И ОБЩЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКИ.

РѢЧЬ,

читанная въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 19 апрѣля 1886 года, въ память двухсотлѣтней годовщины рожденія перваго русскаго историка В. Н. Татищева,

предсѣдателемъ общества

И. Е. Забѣлинымъ,

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

Изъ „Чтеній“ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

ПЕРВОЕ ВОДВОРЕНІЕ

ВЪ МОСКВѢ

Греколатинской и общей Европейской науки.

Рѣчь, читанная въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 19 апрѣля 1886 года, въ память двухсотлѣтней годовщины рожденія перваго русскаго историка В. Н. Татищева, Предсѣдателемъ Общества И. Е. Забѣлинымъ.

Мы собрались праздновать историческою бесѣдою двухсотлѣтнюю годовщину рожденія перваго нашего русскаго историка Василія Никитича Татищева.

Праздникъ этотъ тѣмъ достопамятнѣе, что годъ рожденія перваго дѣятеля русской исторической науки есть годъ рожденія самой русской науки, не одной исторической, но общей науки, или, говоря точнѣе, годъ рожденія русскаго научнаго знанія.

Ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ, восьмидесятые года XVII столѣтія были достославными годами зарожденія и водворенія въ Москвѣ самостоятельной русской учености, за которою, хотя очень постепенно, не преминула послѣдовать и общая образованность.

Намъ хорошо извѣстно, что старая, древняя наша *книжная наука*, собственно грамотность, даже въ высшемъ, какъ бы ученомъ ея значеніи, въ значеніи обширной начитанности, по случаю необходимаго для печати исправленія собствен-

ныхъ своихъ же книгъ, оказалась со всѣхъ сторонъ и въ полной мѣрѣ несостоятельною для такого дѣла.

Это именно дѣло и не замедлило обнаружить всю глубину и необозримую широту тогдашняго русскаго невѣжества и его кровныхъ чадъ: суевѣрія, легковѣрія, суемудрія и самомнѣнія, отъ которыхъ мы не совсѣмъ успѣли освободиться и до сихъ поръ.

Крайняя потребность въ наукѣ, выразившаяся на первое время потребностью собственно типографскою, для приготовленія знающихъ *справщиковъ,* ученыхъ корректоровъ, стала очевидною для всѣхъ. Начались попытки завести школу для этой цѣли. При патріархѣ Филаретѣ была учреждена греколатинская школа въ Чудовѣ монастырѣ подъ руководствомъ грека Арсенія; но учитель черезъ нѣсколько лѣтъ на одинокой и потому утлой своей ладьѣ потонулъ въ глубинѣ всеобщаго невѣжества и при патріархѣ Іосифѣ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Говорили про него, что онъ волхвъ, еретикъ, звѣздочетецъ, исполненъ скверны и смрада езувитскихъ ересей. Такими характеристиками встрѣчались тогда всѣ знающіе и ученые люди. При Никонѣ онъ былъ возвращенъ и опредѣленъ по прежнему смотрителемъ и справщикомъ книгъ въ типографіи и занимался у патріарха переводами съ греческаго. Въ это время окольничій Ѳ. М. Ртищевъ устроилъ въ Андреевскомъ монастырѣ греческую школу и ученое братство переводчиковъ съ греческаго, призвавши ученыхъ иноковъ изъ Кіева, изъ которыхъ болѣе другихъ извѣстенъ, какъ переводчикъ и справщикъ типографіи, Епифавій Славеницкій. Никоново время особенно славится собираніемъ древнихъ русскихъ и греческихъ рукописныхъ книгъ съ тѣми же исключительными цѣлями точнаго исправленія для печати всего обихода церковныхъ книгъ.

Чѣмъ сильнѣе и явственнѣе обозначались и распространялись стремленія къ научному знанію, тѣмъ жесточѣе возставало противъ этихъ стремленій круговое слѣпое невѣжество старыхъ церковниковъ и начетчиковъ. Однако среди тогдашнихъ людей все, что могло въ то время называться интеллигенціею, умною силою общества, отъ тѣхъ самыхъ

криковъ темной фанатической толпы, все болѣе убѣждалось, приходило все болѣе къ сознанію, что такъ оставаться невозможно, что необходимо устроить книжное знаніе на прямыхъ и твердыхъ, въ точномъ смыслѣ *ученыхъ* основаніяхъ.

Въ самый разгаръ борьбы этого сознанія съ мнѣніями защитниковъ стараго невѣжества прибылъ въ Москву митрополитъ Газскій Паисій Лигаридъ (1660). Узнавъ, въ чемъ дѣло и желая объяснить причины смятенія и шатанія московскихъ умовъ, онъ рѣшилъ, что все зло произошло отъ двухъ причинъ: отъ того, что нѣтъ народныхъ училищъ и нѣтъ библіотекъ. „Если бы меня спросили, говорилъ онъ, какіе столпы церкви и государства? Я бы отвѣчалъ: вопервыхъ училища, вовторыхъ училища и втретьихъ училища, причемъ необходимо преподавать въ этихъ училищахъ греческій, латинскій и славянскій языки.

Внимательнѣе другихъ прислушался къ этимъ словамъ самъ царь Алексѣй Михаиловичъ. Онъ рѣшилъ завести науку у себя во Дворцѣ и вызвалъ для этой цѣли извѣстнаго іеромонаха Симеона Полоцкаго, котораго назначилъ учителемъ своихъ дѣтей, царевичей Алексѣя, а потомъ и Ѳеодора. Это было въ 1664 г. А на другой годъ, лѣтомъ 1665 г., по указу царя, въ Спасскомъ монастырѣ, за Иконнымъ рядомъ, были построены деревянные хоромы, въ которыхъ повелѣно *учитца по латинямъ*, граматики, граматичному ученью, подьячимъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ Семену Медвѣдеву и дворцовымъ Семену да Ильѣ Казанцамъ.

Вскорѣ (1666 г.) пріѣхавшіе въ Москву Александрійскій и Антіохійскій патріархи точно такъ же убѣждали царя завести греческія (но не латинскія) и славянскія училища, указывая особенно на важность изученія греческаго языка.

Въ то время, какъ представитель латинской школы Симеонъ Полоцкій мало-по-малу совсѣмъ водворялся въ царскомъ дворцѣ, занявъ даже положеніе придворнаго стихотворца, на Патріаршемъ дворѣ вовсе не было замѣтно, что тамъ желаютъ учредить правильную греческую школу. Повидимому, тамъ довольствовались упомянутымъ ученымъ братствомъ справщиковъ и переводчиковъ.

Между тѣмъ въ обществѣ не угасала мысль о заведеніи школъ, и прихожане одной церкви (Іоанна Богослова, вѣроятно въ Китай городѣ, назыв. по урочищу подъ Вязомъ) подали даже особую челобитную, прося въ приходѣ учредить училище славянско-греческой граматики и чтобы священникъ былъ ученый человѣкъ и пѣніе въ церкви было бы партесное.

Въ 1668 г. на эту просьбу была выдана разрѣшительная патріаршая грамота, но о дальнѣйшей судьбѣ этого дѣла не имѣемъ свѣдѣній.

Прошло десять лѣтъ, о которыхъ также ничего не знаемъ, что̀ происходило на патріаршемъ дворѣ съ мыслями о заведеніи школы.

Въ 1679 г. случайно или не случайно прибылъ въ Москву нѣкій русскій іеромонахъ именемъ *Тимоѳей*, долгое время проживавшій въ Палестинѣ, на Аѳонѣ, узнавшій тамъ основательно греческій языкъ и бѣдственное положеніе всей греческой церкви, тѣснимой и магометанствомъ, и латинствомъ. Его повѣсть объ этомъ внимательно выслушалъ молодой царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и тутъ же рѣшилъ учредить въ Москвѣ греческое училище, и на пользу грековъ, и на пользу русскихъ, которое и было помѣщено въ 1680 г. въ верхнихъ палатахъ типографіи въ составѣ набранныхъ изъ разныхъ сословій 30 учениковъ.

Но повидимому это было только начало, приступъ къ исполненію болѣе широкаго замысла, которому несомнѣнно много способствовали и упомянутый Тимоѳей, и придворный ученый и стихотворецъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій съ своимъ ученикомъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ.

Возникла мысль объ учрежденіи въ Москвѣ академіи то-есть о школѣ *свободныхъ мудростей*. По царскому повелѣнію, составленъ былъ планъ и написана въ проектѣ такъ называемая *привилегія* или учредительная грамота о заведеніи такой школы—академіи, обозначенная 1682 г.

Составители грамоты, какъ оказывается изъ ея содержанія, руководствовались уставами западныхъ университетовъ

и академій и начертали планъ съ обширнымъ курсомъ ученія и съ большими преимуществами для ученаго сословія.

Между тѣмъ о намѣреніи учредить въ Москвѣ академію провѣдали польскіе ученые и явились съ предложеніями устроивать это новое дѣло, конечно, подъ руководствомъ іезуитовъ, алкавшихъ забрать все дѣло въ свои руки. Ихъ отвергли, но іезуитскія намѣренія продолжали свою работу и, какъ увидимъ, не безъ успѣха.

Въ Москвѣ издревле опасались латинскаго Запада, какъ огня, и царь съ патріархомъ рѣшили въ 1681 г. вызвать ученыхъ изъ Грековъ по благословенію Восточныхъ патріарховъ, о чемъ въ тотъ годъ послали къ нимъ особую грамоту. По согласію 4-хъ патріарховъ были избраны два брата, Софроній и Іоанникій Лихуды, которые послѣ долгаго странствованія черезъ Польскія земли, преслѣдуемые и тѣснимые іезуитами, тайнымъ отъ нихъ уходомъ прибыли наконецъ въ Москву въ 1685 г. марта 6.

Замѣтимъ, что латинствующіе, въ лицѣ извѣстнаго Сильвестра Медвѣдева, еще въ январѣ этого же года подносили царевнѣ Софіи на утвержденіе упомянутую академическую привилегію—уставъ, но кажется безъ успѣха, такъ какъ патріархъ Іоакимъ вообще не благоволилъ къ латинству.

Прибывшихъ Лихудовъ поселили сначала въ Николаевскомъ Греческомъ, потомъ въ Чудовѣ; но въ обоихъ монастыряхъ помѣщеніе найдено ими неудобнымъ, быть можетъ потому, что не было тамъ достаточнаго простора для школы, которую Лихуды, не желая повидимому терять дорогое время, открыли вскорѣ по пріѣздѣ. Для этой цѣли тогда же были построены для нихъ особыя деревянныя кельи въ Богоявленскомъ монастырѣ. Разсказываютъ, что сначала имъ отданы въ науку изъ типографскихъ учениковъ лучшихъ пять человѣкъ.

Такая школа могла устроиться и въ кельяхъ. Но видно охотниковъ учиться у новыхъ учителей явилось больше, и не изъ числа только типографскихъ учениковъ, но даже изъ боярскихъ дѣтей. Поэтому въ томъ же году сентября 3 самъ патріархъ Іоакимъ приходилъ въ Богоявленскій монастырь

осмотрѣть мѣсто, гдѣ лучше выстроить особыя хоромы для школы; по его благословенію эти хоромы были срублены въ ту же осень и 12 декабря къ новоселью въ нихъ принесенъ изъ патріаршей казны образъ Владимірской Богородицы.

Въ одно время съ постройкою хоромъ мало по малу накоплялся въ учительскихъ кельяхъ и ученическій составъ новой школы. 26 декабря въ этомъ составѣ вся школа приходила на патріаршей дворъ и въ Крестовой палатѣ славила Христа и привѣтствовала патріарха поздравительными рѣчами, и отъ учителей, и отъ учениковъ, причемъ въ запискѣ объ этомъ случаѣ учители, грекоіеромонахи Аникій и Софроній, обозначены учителями *греческихъ высокихъ наукъ* и что они учатъ въ школѣ греко-латинскому *книжному писанію*, такъ отмѣчалось преподаваніе начальнаго класса, обнимавшее предварительные предметы ученія.

Патріархъ выдалъ праздничную славленую награду учителямъ по 5 руб., двумъ ученикамъ по 2 руб., девятерымъ по рублю, семнадцати человѣкамъ по полтинѣ. Всѣхъ учениковъ числилось уже 28.

Въ тотъ же день приходила къ патріарху славить Христа и типографская школа съ учителями іеромонахомъ Тимоѳеемъ и грекомъ Мануиломъ Григорьевымъ, причемъ учители получили: Тимоѳей 5 руб., Мануилъ 2 руб.; ученики, одинъ—одинъ рубль, девять по полтинѣ, 46 по 25 коп. Всѣхъ типографскихъ учениковъ явилось 56, ровно вдвое противъ Богоявленской школы.

Торжественное открытіе Богоявленской деревянной школы, какъ основы будущей академіи, произошло 29 генваря 1686 года. Въ этотъ день патріархъ со архіереи прибылъ въ новопостроенную школу и слушалъ ученія учениковъ, въ числѣ которыхъ находились его домовый іеромонахъ Иларіонъ, 2 іеродіакона, 6 человѣкъ лучшихъ и 23 человѣка остальныхъ—всего 32 человѣка. Потомъ со архіереи же патріархъ ходилъ въ типографскую школу, гдѣ учились 1 іеродіаконъ, греческому писанію 9 лучшихъ, 11 среднихъ, 27 меньшихъ, 19 еще меньшихъ, всего 66 человѣкъ; словенскому писанію учились 166 человѣкъ, а всего 232 человѣка.

Таковъ вѣроятно былъ полный составъ этихъ обоихъ школъ въ 1686 году.

Одинъ изъ первыхъ учениковъ Богоявленской деревянной школы Ѳедоръ Поликарповъ разсказываетъ, что каменныя палаты для академіи были основаны патріархомъ Іоакимомъ въ 1685 г., то-есть въ годъ пріѣзда въ Москву Лихудовъ, на сумму 2000 р. оставленную на это строеніе по завѣщанію тѣмъ же Лихудамъ отъ доместика, учителя греческаго пѣнія, грека іеродіакона Мелетія, и что палаты были выстроены *совершенно* въ 1686 г., когда въ нихъ и переселилась Богоявленская школа, учители и съ учениками.

Однако достовѣрно извѣстно, что это случилось годомъ позже, въ 1687 г., даже въ концѣ года, такъ какъ въ сентябрѣ 9 числа эти палаты еще достроивались, для чего тогда выдано Богоявленскому архимандриту Никифору 100 руб., и только 12 октября патріархъ ходилъ въ новопостроенныя палаты, вѣроятно уже совсѣмъ готовыя, для осмотра.

Можетъ-быть палаты дѣйствительно были заложены въ 1685 г., а еще вѣроятнѣе, что въ томъ году только заготовленъ былъ матеріалъ для постройки. Самая же постройка произведена въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ и въ ожиданіи ея окончанія была построена въ 1685 г. деревянная академическая уже школа.

Въ генварѣ 1687 г. тоже 29 числа, быть-можетъ въ воспоминаніе перваго открытія, Богоявленская деревянная школа снова видѣла въ своихъ стѣнахъ святѣйшаго патріарха, пришедшаго на этотъ разъ съ бѣлыми властями. Теперь въ школѣ преподавали уже граматику, и патріархъ слушалъ *греческаго граматическаго ученія* и послѣ слушанія пожаловалъ учителямъ Софронію и Іоанникію не по 5 руб., а по 5 золотыхъ, да ученикамъ дѣтямъ боярина князь Юрья Михайловича Одоевскаго князь Михайлу да князь Юрью, да князь Петру; да кравчаго князь Бориса Алексѣевича Голицына сыну князь Алексѣю да дьяка Василья Посникова сыну Петру—по золотому человѣку.

Золотая награда показывала золотые успѣхи школьнаго

ученія. И дѣйствительно, Петръ Посниковъ въ послѣдствіи опередилъ ученіемъ даже Ѳедора Поликарпова.

Въ каменныя Спасскія палаты академія была переведена по всему вѣроятію къ зимѣ 1687 года, когда на Рождествѣ 28 декабря академія уже изъ этихъ Спасскихъ палатъ приходила къ патріарху въ Крестовую славить въ слѣдующемъ составѣ учениковъ: 2 іеромонаха, 2 іеродіакона, книгописецъ, бѣльцовъ 1-й статьи 5, въ томъ числѣ 2 грека, 2-й статьи 9 чел., 3-й статьи 35 чел., 4-й статьи 27, итого 76; словенскаго книжнаго ученія, 1-й статьи 7 чел., 2-й статьи 16 чел. итого 27; а всего 104.

Каменныя школьныя палаты, какъ упомянуто, были построены въ три этажа, вѣроятно, съ прямою цѣлью распредѣлить и самое ученіе на три особыхъ отдѣла.

На Святой 1688 г., въ пятницу 20 апрѣля, школа также приходила къ патріарху въ Крестовую подъ руководствомъ одного учителя Софронія и для праздника Воскресенія ученики по прежнему говорили патріарху поздравительныя рѣчи. Составъ школы въ это время былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: іеромонахъ 1, книгописецъ, 2 іеродіакона, ученики *верхнихъ* школъ: 1-й статьи 2, 2-й ст. 7, 3-й ст. 11 челов., *среднихъ* школъ, граматичниковъ 19 чел., *нижней* школы греческаго книжнаго писанія малыхъ учениковъ 20 чел.; словенскаго книжнаго писанія староста да 100 челов. учениковъ; всего 164 чел.

Такимъ образомъ верхнія школьныя палаты были опредѣлены для преподаванія высшихъ наукъ, а нижнія—первоукамъ.

Въ 1689 г. въ школѣ преподавалось уже реторическое ученіе. Декабря 27-го школьники по обычаю опять приходили въ патріаршую Крестовую и предъ святѣйшимъ патріархомъ и освященнымъ соборомъ Христа славили пѣніемъ греческаго согласія и говорили гречески и словенски о Христовѣ воплощеніи отъ божественныхъ писаній многія рѣчи и орацыи святѣйшему патріарху съ поздравленіемъ. Составъ учениковъ былъ слѣдующій: монахъ, іеромонахъ, іеродіаконъ, учениковъ бѣльцовъ 2 чел., орацѣйщиковъ 7 чел., граматичниковъ 26 чел.,

да которые начали учить греческій языкъ 16 челов.; словенскаго ученія староста и 127 чел. учениковъ.

Въ мартѣ 1690 г. въ верхнихъ школахъ Софроній началъ уже читать логику и діалектику.

Граматику и піитику Лихуды преподавали на одномъ греческомъ языкѣ, а риторику, логику и потомъ физику (естественую философію) на греческомъ и латинскомъ. Өедоръ Поликарповъ свидѣтельствуетъ, что успѣхи ученія были блистательны, такъ что въ три года они, верхніе ученики, могли говорить на обоихъ языкахъ и перевели нѣсколько книгъ на славянскій языкъ.

Хотя преподавались оба классическіе языка, однако средоточіемъ и главною силою былъ языкъ греческій, а съ нимъ и все образованіе носило господствующій характеръ греческій, отчего и самыя школы обыкновенно именовались *греческими, еллино-славянскими.* Въ Москвѣ такимъ образомъ была открыта самостоятельная академическая школа исключительно греческаго, строго-православнаго направленія, совсѣмъ отличная отъ Кіевской академіи, въ которой господствовалъ въ такой же мѣрѣ языкъ латинскій, необходимо способствовавшій внесенію въ православныя установленія различныхъ мнѣній уніатскихъ.

Должно замѣтить, что Московская школа была основана въ то самое время, когда уже разгоралась борьба между латинствующимъ направленіемъ и греческимъ или православнымъ, конечно, не за классицизмъ или преимущества того или другаго языка, а прямо за уніатскія мнѣнія, успѣвшія проникнуть въ православную Москву, даже при помощи основанной царемъ Алексѣемъ латинской школы Симеона Полоцкаго.

Прежде мы замѣтили, что латинствующіе свили было себѣ теплое гнѣздо въ самомъ Дворцѣ и повидимому стремились занять главное мѣсто и въ новоучрежденной академіи. Но именно Лихуды съ своимъ грецизмомъ стали поперекъ дороги этимъ стремленіямъ и къ тому же открыли горячую обличительную полемику съ представителями латинства. Классическіе языки такимъ образомъ становились знаменемъ, одинъ

латинства, католичества, другой православія. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается и объясненіе, почему восточные патріархи еще при самомъ началѣ учрежденія Московскихъ школъ настоятельно требовали, чтобы въ этихъ школахъ учили только по-гречески, отнюдь не по-латыни. Патріархи очень справедливо опасались, что съ латинскимъ языкомъ неизбѣжно будутъ усвоиваться и папежскія, католическія, хотя бы подъ видомъ уніатскихъ, мнѣнія, понятія, идеи, такъ какъ вся академическая ученость въ то время, въ своихъ цѣляхъ, въ сущности ограничивалась только вѣроученіемъ, а латинскій языкъ былъ освященнымъ языкомъ и католическаго вѣроученія и самой церковной службы. Лихуды, не отстраняя латинскаго языка, какъ языка науки, водворяли въ Москвѣ греческую школу на основаніяхъ истинной учености, безъ особаго уклоненія въ сторону лишь однихъ вѣроисповѣдныхъ цѣлей, какъ это могло бы случиться съ однимъ греческимъ языкомъ. Но самостоятельному московскому дѣлу Лихудовъ не суждено было прочно установиться для дальнѣйшаго развитія.

Свой курсъ Лихуды прекратили въ 1694 г. вслѣдствіе ихъ удаленія отъ школы по навѣтамъ Іерусалимскаго патріарха Досифея, дѣйствовавшаго такъ можетъ-быть и по интригамъ латинства, конечно очень скрытымъ и замаскированнымъ.

Въ этотъ годъ Лихуды только-что начали читать физику по Аристотелю.

На ихъ мѣсто преподавателями поступили ихъ ученики Николай Семеновъ Головинъ и Ѳедоръ Поликарповъ. Они преподавали до 1699 г. граматику, піитику и риторику на греческомъ языкѣ. Латинскій языкъ, по требованію патріарха Іерусалимскаго, былъ изгнанъ изъ академіи. Патріархъ и Лихудовъ между прочимъ обвинялъ именно за введеніе въ академію латинскаго языка.

Такъ водворялась уже фанатическая нетерпимость, вскорѣ однако совсѣмъ упраздненная, такъ какъ въ это самое время взяла свою силу Петровская реформа, упразднившая всѣ опасности вѣроисповѣдной борьбы введеніемъ общаго обра-

зованія и общей свѣтской учености, причемъ и самостоятельная Московская греческая академія передана была съ 1700 года въ руки кіевскихъ ученыхъ, не замедлившихъ водворить въ Москвѣ Кіевскую школу, латинскую по преимуществу, въ которой греческій языкъ точно также совсѣмъ былъ исключенъ изъ преподаванія, да почти и всѣ ученики были также привезены изъ Малороссіи. Въ 1704 г. изъ 34 учениковъ философіи было только трое великороссовъ, а прочіе имѣли фамиліи бѣлорусскія и польскія.

Такова была судьба самостоятельнаго московскаго дѣла въ учрежденіи самостоятельной учености, независимой отъ подозрительнаго и опаснаго латинства. Съ перемѣною языка, однако, нисколько не перемѣнялось существо этой учености, схоластической въ своемъ характерѣ и исключительно церковной въ своемъ содержаніи. Слѣдуетъ только замѣтить, что академія Лихудовъ съ обоими языками и съ преобладаніемъ греческаго была поставлена правильнѣе и въ дальнѣйшемъ развитіи принесла бы не менѣе той пользы, какую принесла переселенная въ Москву Кіевская, исключительно латинская ученость, получившая къ тому же привилегированное положеніе и замкнувшая эту ученость въ монашескій кругъ, не допуская къ преподаванію бѣльцовъ. По этому поводу обыкновенно слышимъ тенденціозные упреки старой Москвѣ, что еслибы не Кіевская ученость, привлеченная въ Москву къ общему дѣлу и занявшая съ того времени, съ 1700 года, почти всѣ іерархическія мѣста въ государствѣ, то Москва совсѣмъ потерялась бы отъ своего повальнаго невѣжества, такъ какъ по своему нерадивому невѣжеству не могла и не умѣла доставлять іерархіи требуемыхъ ученыхъ и образованныхъ подвижниковъ для церковнаго завѣдыванія и управленія.

При такомъ взглядѣ на дѣло мы однако совсѣмъ забываемъ, что именно съ 1700 г. и вообще со времени Петровскихъ преобразованій Москва вся отдалась свѣтской наукѣ и поставила цѣлые полки подвижниковъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства и управленія. Объ этомъ мы

сейчасъ будемъ говорить. Но скажемъ прежде заключительное слово о водворенной церковной учености.

Какъ видѣли, учрежденіемъ Лихудовской академіи впервые устроилась въ Москвѣ русская ученость, русская школа высокихъ греческихъ, а потомъ латинскихъ наукъ, ученіе свободныхъ мудростей. Одинъ изъ столповъ церкви и государства былъ воздвигнутъ въ размѣрѣ, какой былъ опредѣленъ его основными цѣлями, и въ той твердости и крѣпости, которыя вполнѣ уже зависѣли отъ избранныхъ учителей, въ первое время на самомъ дѣлѣ показавшихъ, что они были въ истинномъ смыслѣ люди науки, блестящимъ образомъ оправдавшіе свое избраніе.

Такъ впервые водворена была на Руси наука, полный курсъ учености и образованія, какъ свидѣтельствовали современники.

Можемъ ли мы сказать, что водворенная такимъ образомъ наука была наука въ собственномъ смыслѣ, въ томъ обширномъ смыслѣ, какой существуетъ въ нашихъ теперешнихъ понятіяхъ. Способна ли была эта наука покоить на своихъ основахъ не одну церковь, но и государство? Мы видѣли, что учрежденіе Спасской академіи было увѣнчаніемъ множества предшествовавшихъ попытокъ къ правильному устройству важнѣйшаго церковнаго дѣла, исправленія для печати церковныхъ книгъ. Приготовить ученыхъ *справщиковъ* для Книгопечатнаго двора, ученыхъ переводчиковъ съ греческаго, способныхъ въ точности исправить вкравшіяся въ теченіе вѣковъ описки и ошибки церковныхъ текстовъ, наконецъ, въ вершинѣ всего—ученыхъ защитниковъ православія, способныхъ бороться съ распространявшимся вліяніемъ католичества и протестантства: вотъ въ чемъ заключалась основная цѣль тогдашней нашей науки и всей учености.

Учрежденная академическая школа по заимствованнымъ съ запада образцамъ водворяла ту же самую спеціальную ученость въ надлежащей системѣ и полнотѣ. Академія представляла широкій путь образованія собственно только для духовенства и особенно для высшихъ духовныхъ лицъ. Такъ этотъ академическій типъ ученія былъ поставленъ и на латинскомъ

западѣ. Онъ воспитывалъ и распространялъ образованность въ собственномъ смыслѣ церковную. „Отъ церкви благословенныя и благочестивыя науки да будутъ“, писано въ академической привилегіи царя Θеодора Алексѣевича. „А отъ церкви возбраняемыхъ наукъ, наипаче же магіи естественной и иныхъ, такимъ не учити и учителей таковыхъ не имѣти, аще же таковые учители гдѣ обрящутся и оны со учениками, яко чародѣи, безъ всякаго милосердія да сожгутся“.

Вотъ идея, ставшая между основаніями водворенной науки.

Основною задачею водворяемой науки было *познаніе вѣры*, правильное, то-есть православное пониманіе и толкованіе священнаго писанія и отцовъ церкви. Изъ этой задачи вытекала другая — распространеніе вѣры, просвѣщеніе вѣроученіемъ христіанской паствы, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненіе православія и защита его отъ суемудрія ересей, отъ темнаго суевѣрія невѣжественной толпы. Всѣ свободныя мудрости были направлены исключительно только къ этимъ задачамъ и въ строгой постепенности мало-по-малу воспитывали, приготовляли ученыхъ представителей вѣроученія, проповѣдниковъ, риторовъ, діалектиковъ, умѣющихъ читать, переводить, объяснять и доказывать истину святаго ученія и святыхъ книгъ.

Руководящая мысль этой учености выразилась между прочимъ въ ученіи о реторикѣ Софронія Лихуда, который, опредѣливъ, что реторика есть наука или искусство, научающее говорить хорошо, правильно и красиво, въ одномъ изъ своихъ наставленій замѣчаетъ: „еслибы захотѣлъ я говорить объ изяществѣ и силѣ божественнаго писанія, то никогда не кончилъ бы своей бесѣды. Для меня удивительно, почему нѣкоторые, оставивъ эту высокую и полезнѣйшую мудрость, обращаются къ тлѣннымъ произведеніямъ человѣческой мудрости“.

И далѣе, начиная послѣ логики чтеніе естественной философіи, Іоанникій Лихудъ говоритъ между прочимъ: „послѣ того, какъ мы съ трудомъ и ощупью прошли глубокія пещеры логики, теперь при помощи Св. Духа переходимъ къ естественной философіи и постараемся преподать ее согласно съ ученіемъ Аристотеля. Впрочемъ будемъ остерегаться отъ

всякаго мудрованія, несогласнаго съ нашею религіею и православіемъ и взимающагося (возстающаго, поднимающагося) на разумъ Божій, какъ говоритъ апостолъ.

Ясное дѣло, что для этой науки не предстояло возможности отворить двери къ свободному и всестороннему изученію и обсужденію всѣхъ остальныхъ предметовъ и отдѣловъ человѣческаго знанія.

Она была поставлена, такъ сказать, въ священной оградѣ вѣроученія и высилась предъ остальнымъ міромъ непогрѣшимою святынею божественнаго писанія, авторитетомъ истины, которую требовалось только посредствомъ опредѣленныхъ благочестивыхъ наукъ правильно уразумѣвать, изучать, объяснять, толковать, дабы съ успѣхомъ ее защищать отъ лжи мірскаго суемудрія и самомнѣнія.

Такимъ образомъ *свободныя мудрости*—граматика, риторика, піитика, логика, діалектика, философія, теологія нисколько не распространяли предѣловъ знанія въ сторону такъ-называемыхъ *внѣшнихъ мудростей*, какъ обозначались мірскія свѣтскія науки, потребныя для житейскаго, мірскаго, то-есть государственнаго обихода, для котораго и самыя *свободныя мудрости* должны были принять мірское же свѣтское направленіе, уже не церковное, но простое литературное.

Водворенная, установленная Академическая наука не только не распространяла предѣловъ знанія, но своими слишкомъ неопредѣленными, неясными указаніями на свѣтскія науки, въ родѣ естественной магіи и иныхъ такихъ же, вообще на тлѣнныя произведенія человѣческой *внѣшней* мудрости, уже прямо способствовала тѣсной замкнутости своего знанія въ одномъ кругу церковности.

При господствѣ и всеобъемлющемъ вліяніи такой научной идеи очень трудно было проложить пути къ той необходимой свободѣ въ устройствѣ свѣтскаго образованія и свѣтской учености, какая требовалась уже неотложно не то что для укрѣпленія, но для спасенія государства. Очень трудно и совсѣмъ невозможно было выйти на этотъ путь прямою дорогою, прямымъ учрежденіемъ такой же академіи, но по мірскому плану, согласно потребностямъ и интересамъ

гражданственности, всеобщимъ интересамъ Государства. О такомъ рѣшеніи въ умахъ того времени не могло возникнуть и помышленія, по той особенно причинѣ, что не были еще ясно поняты и сознаны самыя эти государственныя потребности и интересы.

Самое примѣчательное и великое по послѣдствіямъ событіе въ нашей исторіи есть то обстоятельство, что государственная необходимость, крайняя нужда въ наукѣ была почувствована, понята и сознана во всей полнотѣ не въ государственномъ какомъ-либо коллегіумѣ, въ родѣ боярской Думы, не въ засѣданіяхъ какихъ-либо дьячьихъ особыхъ коммиссій, но въ средѣ простыхъ дѣтскихъ потѣхъ, забавъ и игръ маленькаго, а потомъ и взрослаго Петра-Преобразователя. Это какъ-то странно выходитъ, но въ дѣйствительности все это такъ случилось и такъ устроилось.

Въ то самое время и въ тѣ самые годы, когда на Патріаршемъ дворѣ, въ Кремлѣ, усердно размышляли о томъ, какъ лучше устроить въ Москвѣ надобную науку въ укрѣпленіе и прославленіе Церкви; когда на Никольской улицѣ одна за другой, въ типографіи, въ Богоявленскомъ и Спасскомъ монастыряхъ, учреждались школы, сооружались для нихъ зданія,—въ эти самые годы, въ томъ же Кремлѣ, а послѣ главнымъ образомъ въ Преображенскомъ дворцѣ, на Яузѣ, возлѣ Нѣмецкой слободы, незамѣтно и мало по малу нарождались помыслы, возникали и усложнялись потребности и крайнія нужды въ устройствѣ другой науки, на *укрѣпленіе и прославленіе государства* во всѣхъ его политическихъ и хозяйственныхъ или экономическихъ стремленіяхъ и интересахъ.

Очень любопытна и примѣчательна даже нѣкоторая параллель, соотвѣтствіе въ постепенномъ развитіи съ одной стороны серьезнаго и благочестиваго дѣла, каково было заведеніе учебныхъ и ученыхъ греческихъ и латинскихъ школъ и наконецъ академіи, съ другой—потѣшнаго дѣла дѣтскихъ игръ, приведшихъ къ такому же серьезному дѣлу, каково было

новое устройство всего государственнаго организма, закончившееся точно также учрежденіемъ Академіи Наукъ въ 1724 г.

Въ 1680 г. на Книгопечатномъ дворѣ славнымъ Тимоѳеемъ учреждена греческая школа, послужившая первою и главною основою для будущей академіи. Съ того же года, послѣ обычныхъ игрушекъ, все болѣе и полнѣе стали развиваться дѣтскія, исключительно только воинскія игры маленькаго, еще восьмилѣтняго Петра, дѣйствовавшаго въ качествѣ полковника съ своими сверстниками робятками, составлявшими въ зародышѣ кадетскій корпусъ, военную школу. Въ 1682 г. эта зародышъ-школа сооружаетъ себѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ для дальнѣйшихъ упражненій особую *потѣшную площадку*, на которой ставится деревянный *потѣшный шатеръ* и потѣшная изба, представляющіе воинскій станъ, обставленный тогда же пушками, рогатками и прочими принадлежностями военнаго стана.

Въ томъ же году на дворцовыхъ *верхнихъ*, устроенныхъ на зданіи Запаснаго двора, прудахъ спускаются потѣшные суда, *карбусъ* и *ошнякъ*, и лодки.

Въ это первое время происходило изученіе такъ-сказать воинской азбуки, ученіе первому началу военныхъ игръ.

Въ 1683 г., когда уже другой годъ нашъ посолъ въ Константинополѣ хлопоталъ у Восточныхъ патріарховъ о вызовѣ въ Москву для устройства академіи ученыхъ людей, учебныя потѣхи Петра достигли уже военнаго похода на Воробьевы горы, гдѣ впервые произведена изъ пушекъ огнестрѣльная стрѣльба.

Въ 1684 г. Петръ поселяется уже въ Преображенскомъ и строитъ на Яузѣ маленькую крѣпость, осаждаетъ ее съ огнестрѣльною стрѣльбою и беретъ приступомъ.

Въ 1685 г. весною, когда прибыли въ Москву Лихуды, Петръ предпринимаетъ походъ въ село Коломенское, гдѣ неутомимо стрѣляетъ и стрѣляетъ въ цѣль.

Въ 1686 годъ, какъ мы говорили, былъ ознаменованъ торжественнымъ открытіемъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ деревянныхъ хоромахъ, учрежденной Лихудами первой Ака-

демической школы. И на Яузѣ этотъ годъ ознаменованъ новою постройкою уже настоящаго *Стольнаго города Прешпура,* который съ того времени становится резиденцiею и средоточiемъ всѣхъ преобразовательныхъ Петровскихъ потѣхъ и военныхъ ученiй. Тогда впервые здѣсь были спущены на воду потѣшные, но не дѣтскiе, но заправскiе суда, *шнякъ* и *стругъ* съ лодками.

1687 г. на Никольской улицѣ ознаменованъ переселенiемъ академiи изъ деревянныхъ первоначальныхъ хоромъ Богоявленскихъ въ Заиконоспасскiя каменныя полаты, а на Яузѣ послѣдовалъ первый наборъ солдатъ, *потѣшныхъ конюховъ,* то-есть въ сущности первыхъ артиллеристовъ, отчего на сторонѣ противниковъ преобразовательнымъ цѣлямъ Петра, какъ они говорили, *учало быть опасенiе,* слѣдовательно потѣха становилась уже дѣломъ очень не шуточнымъ. Эти потѣшные конюхи съ лошадьми и пушками были тогда же поселены на томъ берегу Яузы, частiю возлѣ Преображенскаго, частiю у села Семеновскаго, гдѣ такимъ образомъ устроилось основанiе для будущихъ гвардейскихъ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго.

Въ то время, когда въ академiи преподаванiе постепенно восходило уже до риторики и пiитики, и въ Преображенскомъ съ 1688 г. предпринято было уже очень ученое дѣло, постройка кораблей, производившаяся и въ слѣдующiе два года, а потомъ въ 1691 году перенесенная на Переяславское озеро съ устройствомъ тамъ цѣлой флотилiи.

Курсъ науки въ Академiи, начавшiйся въ 1686 году, доведенъ былъ въ 1694 г. до философiи, когда Лихуды были удалены; точно также и курсъ Петровской потѣшной науки, начавшiйся серьезнымъ образомъ съ постройкою стольнаго города въ 1686 г. доведенъ былъ до военной философiи, до настоящихъ военныхъ маневровъ, произведенныхъ въ 1694 г. подъ селенiемъ Кожуховымъ.

Въ этомъ обозрѣнiи параллелей ученiя мы упоминали только дѣла Петровскихъ потѣхъ, ихъ практическое выполненiе. Но каждое такое дѣло, самое малое, какъ и большое всегда сопровождалось теоретическою подготовкою. Для

исполненія каждаго дѣла требовалось знать, какъ оно можетъ и должно сдѣлаться, и вотъ сама собою является необходимость поучиться то ариѳметикѣ, то геометріи, то артиллеріи, то фортификаціи, и по преимуществу всякой математикѣ, которая въ Петровской наукѣ и заняла первое господствующее мѣсто.

Какъ и слѣдовало государственнымъ цѣлямъ и потребностямъ, Петрово ученіе началось съ военнаго дѣла, съ ученія *хитрости ратнаго строя пѣхотныхъ людей*, это соотвѣтствовало книжному словесному ученію грамотѣ въ академіи. Послѣ того слѣдовала граматика, то-есть стрѣльба въ цѣль ружьями и пушками; затѣмъ—піитика и риторика—сооруженіе и осада крѣпостей, для чего кромѣ артиллерійскаго ученія, вскорѣ понадобился и флотъ; тутъ же въ маневрахъ на самомъ дѣлѣ изучалась боевая логика и діалектика.

Въ Академіи слова и фразы, здѣсь цифры и выкладки наполняли и просвѣтляли память и умы учениковъ; тамъ по всѣмъ правиламъ науки усердно составляли привѣтственныя рѣчи—орацыи и стихотворенія, и искушались въ написаніи убѣдительныхъ поученій, отличались на ученыхъ диспутахъ, доказывая, разъясняя примѣрную истину по всѣмъ правиламъ логики и діалектики; здѣсь по всѣмъ правиламъ математической науки сооружали земляные городки, окопы и съ веселыми криками штурмовали ихъ. Повторимъ здѣсь сказанное нами по тому же поводу въ другомъ случаѣ: „Никто не вѣдалъ, да по новости и небывалости дѣла и не могъ взять себѣ въ толкъ, что всѣ эти потѣхи и потѣшные городки и конюхи, не что иное, какъ самая простая, но очень разумно поставленная школа военной науки, разумно поставленная въ томъ отношеніи, что она до всего, до послѣднихъ мелочей, добиралась собственнымъ опытомъ и умомъ, самоучкою, добывала военное знаніе не столько ученіемъ по книгамъ, сколько исполненіемъ всякаго дѣла собственными руками, на самомъ мѣстѣ, въ виду всѣхъ выгодныхъ и невыгодныхъ окружающихъ обстоятельствъ. Это была школа исключительно практическая, возникшая сама собою, нарожденная отъ дѣтской игры и распространенная только непрестаннымъ стремленіемъ

царственнаго ребенка и отрока идти дальше, не останавливаться на полдорогѣ, но извѣдывать всякое и маловажное обстоятельство, всякое и маловажное дѣло до его конца, такъ сказать, до его подкладки. Вотъ по какой причинѣ великій преобразователь во все время своей жизни непрестанно учился и всегда самъ собственными руками мастерилъ всякое даже послѣднее ремесло, былъ и плотникомъ, и кузнецомъ, и токаремъ, и барабанщикомъ, и бомбардиромъ, и матросомъ-корабельщикомъ. Вотъ по какой причинѣ онъ совсѣмъ позабылъ о своемъ царскомъ санѣ и всякаго знающаго и рабочаго человѣка почиталъ своимъ товарищемъ и другомъ, а оттого, зная самъ хорошо всякую работу, умѣлъ отлично выбирать для работы людей и къ ремеслу, и къ управленію государствомъ. Честь именоваться Государемъ-Кесаремъ онъ предоставилъ начальному человѣку Преображенскихъ потѣхъ, князю Ромодановскому, которому писалъ, какъ простой подчиненный, донесенія и рапорты, и однажды, написавши не въ порядкѣ имя названнаго государя, очень извинялся передъ нимъ, оправдываясь, что „корабельщики, наша братья, въ чинахъ, не искусны“. *.

Потѣшная, но въ сущности великая воспитательная и, образовательная Петровская школа завершила свой курсъ наукъ, какъ упомянуто извѣстнымъ Кожуховскимъ походомъ. Потѣшная осада тамошняго городка была исполнена не только вполнѣ научно, но даже съ ожесточеніемъ настоящаго военнаго боя. Затѣмъ, по окончаніи курса, на другой же годъ слѣдовали уже извѣстные *азовскіе* походы противъ турокъ. „Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть идемъ!“ говорилъ не безъ радости, отправляясь въ походъ, достославный Кожуховскій *бомбардиръ Петръ Алексѣевъ*.

И вотъ такими-то шутками и играми Петра, не замѣтнымъ ни для кого способомъ, настежъ широко растворились двери къ полной свободѣ знанія, къ свободной наукѣ

*) Преображенское или Преображенскъ, Московская столица достославныхъ преобразованій перваго Императора Петра Великаго. Соч. Ив. Забѣлина. М. 1883. стр. 45.

во всѣхъ ея разновидностяхъ и во всей полнотѣ, какой можно было достигать тогдашними еще очень неустроенными средствами.

Разрѣшеніе очень трудной для того времени задачи дать мѣсто свободѣ знанія и ученія всякимъ наукамъ, при всеобъемлющемъ вліяніи церковности, было достигнуто не посредствомъ сочиненнаго въ кабинетѣ или въ Думѣ, на общемъ соборѣ, устава и указа, не посредствомъ учрежденія академіи или университета съ опредѣленнымъ курсомъ и подробною программою, а простымъ повседневнымъ самоученіемъ, простымъ повседневнымъ дѣланіемъ дѣла, которое само собою вызывало потребность въ той или другой наукѣ, то-есть въ знаніи, какъ дѣлается это дѣло. Началось съ малаго, съ дѣтской игрушки и игры, которой все-таки надо было выучиться, и вотъ малое ученіе постепенно переходитъ къ большому; различныя потребныя знанія цѣпляются одно за другое и создаютъ новыя крайнія нужды въ новыхъ свѣдѣніяхъ и наукахъ. И остановиться въ этой дѣловой послѣдовательности пріобрѣтаемыхъ знаній было уже невозможно, потому что игра также постепенно и совсѣмъ не замѣтно становилась заправскимъ, а къ тому же и прямымъ государственнымъ дѣломъ.

Дѣльность, дѣловитость этого самоученія легла потомъ твердою основою для всей государственной дѣятельности Петра, не исключая и церковныхъ вопросовъ и порядковъ, гдѣ дѣльностію требованій онъ совсѣмъ озадачивалъ не подготовленные къ дѣлу словесные умы.

Она же, эта дѣльность послужила основою въ развитіи собственнаго характера русской науки и русской учености, который съ немалою ясностію выразился въ трудахъ нашего перваго историка Татищева. Русская характерная черта въ разработкѣ своей исторіи заключается въ томъ, что въ этой разработкѣ отсутствуетъ элементъ риторства, и въ словахъ, и въ мысляхъ, а это прямо показываетъ, что такой характеръ нашего научнаго дѣла идетъ не изъ славяно-греко-латинской Академіи, не отъ ученія такъ называемой „словесности“ (главнымъ образомъ церковной словесности, обозначаемъ этимъ

словомъ весь составъ водворенной у насъ греко-латинской науки въ образѣ Академіи Московской и ученѣйшей тогдашней Академіи Кіевской, устроенныхъ по образцамъ многовѣковой и уже ветхой западной риторской школы)—нѣтъ наше научное дѣло по своему существенному характеру прямо происходитъ изъ школы Петровскаго самоученія, или точнѣе сказать — изъ школы, ставившей впереди всего не слово, какъ бы оно не было красиво и цвѣтисто, а самое дѣло, во всей его простотѣ и наготѣ, хотя бы и не красивой, но только истинной.

Можемъ замѣтить, что это, пожалуй, существенная общая черта нашего народнаго ума, такъ какъ древнѣйшіе наши историки—первые лѣтописцы отличаются въ своихъ сказаніяхъ необычайною въ писательствѣ прямотою, правдою и дѣловитостію.

Тѣмъ значительнѣе является передъ нами Петровская научная школа, успѣвшая окончательно вывести насъ изъ Вавилонскаго плѣна всяческой риторики, заполонившей было и нашу лѣтопись вставочными риторскими сказаніями и представившей назидательный образецъ риторской обработки самой исторіи въ извѣстной Степенной книгѣ, а послѣ въ небольшомъ учебникѣ подъ именемъ Гизелевскаго Синопсиса (1674).

Въ этомъ случаѣ Петръ, стало-быть, ничего особеннаго и чрезвычайнаго не совершилъ. Онъ, какъ полнѣйшій выразитель русскаго ума, все дѣло новаго русскаго знанія и образованія повернулъ на народную русскую дорогу, оставивъ въ сторонѣ водворенную схоластику и всѣ соображенія и разсужденія о томъ, какія науки благословенны и не благословенны, благочестивы и не благочестивы.

Всѣ науки стали благословенны, то-есть, благословенною стала вообще наука, открывшая русскому уму свои необозримыя сокровища въ литературѣ ученыхъ и образованныхъ народовъ Запада, откуда, съ того времени, и наполнялись разнородными иноязычными книгами русскія библіотеки, собираемыя по преимуществу для домашняго самообразованія и самоученія, какъ собиралъ ихъ для своихъ преобразовательныхъ дѣлъ самъ Петръ.

Научное направленіе, какое создалось само собою самоученіемъ Петра, отличалось именно тѣмъ качествомъ, на которомъ зиждется сама наука. Это была *критика*, разборъ, оцѣнка всего обветшавшаго и ошибочнаго въ мысляхъ и въ дѣлахъ того вѣка, безпощадная критика всего существа старой жизни, вслѣдствіе чего это направленіе съ особою горячностію преслѣдовало всякую басню, суевѣріе, легковѣріе, суесвятство, а въ сущности самый ихъ источникъ—самомнѣніе папствующей непогрѣшимости, столько способствующей утвержденію всякихъ суевѣрій.

Очень понятно, что по времени такое направленіе являлось какъ бы протестантствомъ и вскорѣ на самомъ дѣлѣ было заподозрѣно въ склонности къ этому вѣроученію. Въ то время научныя направленія иначе и не объяснялись, какъ уклоненіями къ тому или другому существующему вѣроученію. Никому еще не была понятна та истина, что здѣсь возраждалось только естественное распредѣленіе познаній, руководимыхъ съ одной стороны вѣрою, съ другой—наукою, и что въ Петровскомъ направленіи господствующею, руководящею идеею являлась наука, а въ направленіи греко-латинскихъ академій святымъ руководителемъ оставалась вѣра.

Все то, что́ было достигнуто постепеннымъ развитіемъ направленія, созданнаго самоученіемъ Петра, въ полной мѣрѣ отразилось и выразилось въ ученыхъ и литературныхъ трудахъ Татищева, въ его пониманіи всего окружающаго, и современнаго, и минувшаго.

Не вышедши ни изъ какой учрежденной академіи, Татищевъ въ ученыхъ своихъ трудахъ является вполнѣ ученымъ изыскателемъ въ неменьшемъ достоинствѣ, чѣмъ напр. послѣ него былъ ученый нѣмецъ Миллеръ.

Древнѣйшій доисторическій періодъ Русской исторіи онъ обработалъ съ такимъ вниманіемъ, какого не встрѣчаемъ ни у одного изъ послѣдующихъ историковъ, и обработалъ въ полномъ смыслѣ по ученой программѣ, очень пригодной для повторенія и въ настоящее время, разумѣется съ новою разработкою накопившагося матеріала.

Приступая къ изложенію исторіи, онъ отказался отъ

мысли *сочинять* исторіи, то-есть сводить свидѣтельства *изъ разныхъ лѣтъ къ одному дѣлу*, какъ онъ выразился.

Отсутствіе риторскихъ началъ въ его образованіи и руководящая Петровская идея дѣльности и строгой критики заставили его сосредоточить свою работу на простомъ лѣтописномъ сводѣ съ должными объясненіями и примѣчаніями, помѣщенными отдѣльно отъ текста. Онъ позволилъ себѣ только переложить древній текстъ на новое нарѣчіе, имѣя въ виду бо́льшую общедоступность своего труда. Лѣтописный сводъ, о которомъ въ послѣдствіи столько заботился великій критикъ текстовъ Шлецеръ, недовольный трудомъ Татищева за его неученость, все-таки служилъ прямымъ отвѣтомъ на первыя требованія науки и въ этомъ отношеніи былъ очень полезенъ самому Шлецеру.

Первымъ подвигомъ научнаго дѣла исторіи долженъ былъ явиться именно такой сводный сборникъ древняго текста и несправедливо требовать, чтобы Татищевъ дѣлалъ то самое, что долженъ былъ дѣлать послѣ него и при помощи его Шлецеръ, то-есть сводить и издавать текстъ тѣмъ способомъ, какой употреблялся при изданіи древнихъ латинскихъ и греческихъ писателей, и который въ приложеніи къ Русскимъ Временникамъ, по ихъ особому характеру, во многомъ оказывался даже очень неудобнымъ.

Наукѣ прежде всего требовалось хорошо ознакомиться съ составомъ текстовъ этихъ Временниковъ, что и исполнено трудомъ Татищева.

Обсуждая и объясняя эти тексты, Татищевъ предварялъ Шлецера въ ученыхъ требованіяхъ для правильной разработки исторіи, указывая на необходимость описанія монастырскихъ библіотекъ, описанія даже архивовъ, описанія вещественныхъ памятниковъ, собиранія географическихъ, этнографическихъ, археологическихъ свѣдѣній, и вообще ставя такъ широко программу исторической работы, что послѣ и самый ученѣйшій Шлецеръ не особенно много къ ней прибавилъ.

Ясное дѣло, что всѣ требованія и нужды такой работы были съ точностію обозначены еще въ Петровское время и Татищевъ своими указаніями представляетъ только сводъ

этихъ запросовъ, возникавшихъ въ разное время по поводу различныхъ случаевъ въ практической дѣятельности самого Петра и его рабочихъ-товарищей.

Этимъ самымъ выясняется, что самоученіе Петра и началось и стояло все время на правильномъ научномъ пути, предварявшемъ своими запросами и задачами систематическое устройство знанія подъ видомъ Академіи Наукъ.

Историкъ, больше чѣмъ ученый другихъ отдѣловъ знанія, всегда бываетъ изобразителемъ, хотя бы не полнымъ, а иногда и одностороннимъ, но вѣрнымъ изобразителемъ *умоначертанія* своего времени; поэтому въ трудахъ Татищева мы знакомимся, въ лучшемъ образцѣ, и съ общимъ направленіемъ идей Петровскаго времени и съ суммою познаній, вошедшихъ въ оборотъ общественной мысли, съ самымъ качествомъ этихъ познаній, со всѣми запросами и задачами развивающейся умственной и нравственной, какъ равно и экономической жизни. Онъ былъ, подобно своему учителю, Петру, простой усерднѣйшій *рабочій* въ дѣлѣ преобразованія всего государственнаго русскаго строя; но помощію господствовавшей практики самоученія сдѣлался ученымъ историкомъ, какъ другіе тѣмъ же путемъ дѣлались администраторами, дипломатами, адмиралами, полководцами, статистиками и т. п.

Никто изъ этихъ дѣятелей, какъ и самъ Петръ, не владѣлъ учеными формами при исполненіи своихъ дѣлъ и трудовъ писательскихъ, но каждый изъ нихъ вполнѣ всегда владѣлъ *самостоятельною мыслію*; не усвоеннымъ раболѣпно изъ чужихъ книгъ и рѣчей, но самостоятельнымъ пониманіемъ своей задачи, претворявшимъ чужія мысли и мнѣнія о такой задачѣ, такъ сказать, въ собственную плоть и кровь мышленія.

Вотъ чѣмъ особенно отличаются историческіе и всѣ другіе писательскіе труды Татищева.

Самостоятельная, независимая мысль составляетъ существо исторической работы Татищева. Она, ясно изображая водворенное Петромъ научное направленіе, да послужитъ намъ образцомъ и руководителемъ во всѣхъ нашихъ работахъ на всѣхъ путяхъ ученой дѣятельности.

Ив. Забѣлинъ.

